

9 класс

Задание 1

Выполните целостный анализ **ОДНОГО** из предложенных произведений (либо прозаического, либо стихотворного).

Ах Астахова (род. 1987)

Я хочу быть ребенком

Я хочу быть ребёнком: наивным и смелым,
Ничего не бояться и верить в добро.
Я бы снова писала по черному белым:
Два плюс два — ну, четыре, конечно, равно!

Ну, конечно, боялась бы в школу без сменки,
И, конечно, бежала бы первой с звонка.
С каждой чашек молочных спивала бы пенки!
И не знала бы вовсе, что значит тоска.

Я боялась бы папу (и маму, наверное),
Я боялась бы поздно вернуться домой.
Мне казалось бы всё в этой жизни бессмертным,
И ничто не тревожило б детский покой.

Я хотела бы плакать от ссадин и шишек,
И не плакать от горя ушедших людей.
Я б без всякой любви целовала мальчишек,
Я б ребёнком была среди этих детей.

Я любила бы всё, не боясь ошибиться,
Я бы каждое утро спешила гулять...
Вот бы в мире детей мне опять очутиться —
На неделю, на день, на минуточек пять!

Но, похоже, я выросла — стала огромной,
Беззащитной, но взрослой. Хорошей и злой.
И домашней я стала, и стала бездомной,
И тяжёлой я стала, и стала простой.

(2020)

Выполните целостный анализ произведения А. Астаховой. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: значение приёма антитезы, использование условного наклонения в осмыслении состояния взрослости лирической героини. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Андрей Салов (род. 1969)

Нафаня

Эта воистину сказочная, фантастическая история случилась со мной несколько дней назад. Один знакомый предложил мне выгодную сделку, от которой я не смог отказаться. В обмен на несколько кружочков старинных монет он предложил мне солидную сумму наших, пусть и неконвертируемых, но все же желанных рублей.

Мы ударили по рукам, и уже вечером я трясся в электричке, направляясь в деревню к бабке, где, как я был уверен, есть то, что мне нужно.

Бабуля очень обрадовалась приезду любимого внука, и уже спустя минуту, как по мановению волшебной палочки, на простом деревянном столе, покрытом белой скатертью, появилась обжигающая, бесподобно вкусная картошка, шмат деревенского сала и крынка настоящего парного молока, вкус которого я уже давно позабыл, поселившись в пыльном и грязном городе.

Бабка на удивление быстро дала разрешение на «обыск» и даже указала место, где, по ее разумению, должно находиться то, что меня интересует. Мысленно я уже поздравлял себя с успехом.

Закончив трапезу и направляясь в кладовку к заветному сундуку, я не обратил особого внимания на странные слова бабки, произнесенные мне вслед: «Смотри там, внучек, поосторожнее, не обижай Нафаню!»

— Ну, вот еще, — буркнул я себе под нос, — стоит меня предупреждать о каком-то там коте, к ним я равнодушен, я уже давно вышел из того возраста, когда этих созданий мальчишки самозабвенно таскают за хвост и также самозабвенно верят в сказки.

Верят в сказки. Лучше уж таскать кота за хвост, привязывать к его хвосту банку, чем верить таким глупостям, как сказки. В сказки я не верил это точно, по крайней мере, до того момента, пока не повстречал Нафаню, — маленького и нахального серого домового. Впрочем, обо всем по порядку.

Лампочка в кладовке светила тускло. Нужно будет сменить ее, в очередной раз дал себе слово. Но худо-бедно, а видно было, так что то, что со мной случилось, на зрение и темноту валить я не имею права.

Открыв сундук, откладывая в сторону ненужный хлам, я принялся искать то, ради чего, собственно, сюда и заявился.

Вот тут-то и появился Нафаня, нарисовался во всем своем блеске и величии. Сперва я принял его за мышь, в тот момент, когда в углу слышались какие-то подозрительные шорохи. Приглядевшись, я заметил в куче рухляди в самом конце кладовки какое-то серое существо с плутоватой рожицей.

По этому поводу я даже произнес небольшую речь.

— Мышь, — сказал я, — мышь полевая, мышь амбарная, грызун и вредитель, — констатировал я сей факт и в доказательство своей правоты швырнул в угол подвернувшийся под руку старый, еще покойного дедушки башмак.

Мышь проворно увернулась и, возмущенно хмыкнув, перебралась на коробку со старой посудой, где и открыла свой рот. И тут произошло невероятное. Мышь заговорила! Нормальным человеческим языком, глядя на меня и, без сомнения, обращаясь именно ко мне.

— Болван, молодой тупоголовый кретин, — молвило существо, что при более пристальном рассмотрении походило скорее не на мышь, а на крохотного, покрытого серой шерстью человека.

Я застыл на месте с зажатыми в ладони монетками, недоуменно взирая на происходящее, напряженно размышляя о том, хорошо ли я спал прошлой ночью и не слишком ли много хватил за обедом парного молока.

А тем временем серое существо, пользуясь моим замешательством и недоумением, продолжало разглагольствовать в том же духе, не забывая время от времени поносить меня еще более обидными словами. Смысл его речи сводился к тому, что даже самая последняя мышь в тысячу раз умнее такого идиота, как я, а что касается его, Нафани, так я не стою и пучка его превосходной шерсти.

Вскоре я вышел из состояния оцепенения, и в зарвавшегося оратора полетел еще один башмак, от которого он снова благополучно увернулся, не прекращая ни на миг своей гневной обличительной речи.

Последующие несколько минут были сущим светопреставлением. Не на шутку разгневанный высокопарными речами незваного оратора, я занялся обстрелом всерьез, швыряя в него все подряд. Он искусно маневрировал, уклоняясь от моих метательных снарядов, причем с каждым новым залпом поток его красноречия отнюдь не иссякал, а наоборот, становился все более пышным и колоритным.

Настал момент, когда я, вконец обессиленный, повалился на какие-то узлы прямо у сундука, глотая поднятую нашей возней пыль, а мой мучитель с явно чересчур длинным языком, продолжал атаку на психику, уже в десятом колене понося моих предков и будущих потомков.

И тогда я пошел на хитрость.

Притворившись задремавшим, я выждал момент, когда Нафания, — супердомовой, прозябающий в этой халупе, хотя должен жить в хоромах, как он сам выразился, — несколько поумолк, а затем и вовсе стих, грозя кулачком и бросая на меня полные презрения взгляды. И вот тут-то я и осуществил свой грандиозный замысел, буквально сразив Нафанию небольшой речью.

— А все-таки ни сказок, ни тем более домовых не существует, и кто утверждает обратное, тот самый настоящий кретин.

Теперь пришел черед поразиться наглости Нафани. От возмущения он потерял дар речи и только беззвучно хлопал губами, тщетно силясь хоть что-то сказать.

И я нанес еще один удар.

— Сказок не существует, а вот говорящий вредитель-грызун, — вещь вполне допустимая и наукой не отвергаемая.

Сказав это, я с самым невинным видом отвернулся от Нафани, не обращая на него внимания, пропуская мимо ушей целый шквал оскорблений, обрушившийся на меня. Но этого Нафани показалось мало, и он перебрался на сундук, рассчитывая произнести свою красочную речь мне прямо в ухо. Он допустил непростительную ошибку.

Молниеносно развернувшись, я спихнул его в сундук и захлопнул крышку, не обращая внимания на мольбы и проклятия, попеременно раздающиеся из его недр. Вскоре Нафания умолк, пообещав мне на прощание кучу мучений-приключений.

Не обращая более внимания на плененного домового, я, став на четвереньки, принялся собирать с пола оброненные в схватке монеты. И в этот миг что-то треснуло меня по голове, перед глазами поплыли радужные круги, а тело рухнуло в пустоту...

Очнулся я в каком-то странном лесу. Даже стало чуточку страшно, такой дремучей чащобы я не видел отродясь. Как меня угораздило сюда попасть?

Я попытался ущипнуть себя, дабы убедиться в том, что это не сон и не наваждение и вся эта чушь собачья существует на самом деле. Но сделать это оказалось не просто, скорее даже невозможно, ибо рук у меня не было, как, впрочем, и головы. А вот ноги, — те,

действительно, были, я отлично их чувствовал, — две превосходные куриные ноги. Было и тело с глазами, — подгнивший деревянный сруб с подслеповатыми оконцами.

Я стал избушкой. Избушкой на курьих ножках, типичным персонажем русской сказки, в существование которых я не верил. Я стал вещью и, стало быть, имел хозяина, скорее, хозяйку. А вот и она приближается на ступе.

Смотри-ка: летит точехонько на крыльцо. Что ни говори, а бабуля ас, хотя ас с довольно неприятной внешностью.

А это кто там пристроился рядом с нею, на самом краешке ступы? Ба! Да это ж Нафаня! Ну уж дудки, не видать вам мягкой посадки!

В самый последний момент я повернулся немного в сторону. И все-таки бабка оказалась скверным пилотом. Она не успела сманеврировать, в результате раздался удар, послышались стоны и проклятия.

Я видел в окно, как из покореженной ступы выбирается позеленевшая от ярости старая ведьма, а следом за нею семенит Нафаня, как они с проклятиями приближаются к крыльцу.

Я их видел, как и все нормальные люди, через окно. Я снова стал человеком, добрым молодцем, каким я выглядел в зеркальном отражении отполированных до блеска огромных кастрюль. Уж очень были большими кастрюли, и слишком зла была бабка, и я решил не дожидаться ее появления, а где-нибудь спрятаться.

Я укрылся за печь, огромную русскую печь. Но подлец Нафаня выдал меня. До сих пор у меня стоит перед глазами та ехидная, торжествующая физиономия и указующий в мою сторону перст.

И я был схвачен, несмотря на то что был крепким добрым молодцем и владел кое-какими приемами. Но мне не повезло. Я нарвался на старуху с талантом гипнотизера, ибо руки и ноги отказались повиноваться, и я оказался усаженным на здоровенную лопату и путь мне предстоял один, — в печь. Нафаня испортил мне последние мгновения жизни, открыв, глумясь, печную заслонку.

Так началось мое бесконечное путешествие по сказочному миру...

Кем мне только не приходилось быть: и добрым молодцем, и стариком шарманщиком, гномом, красной девицей, предводителем разбойничьей шайки, Кощеем, Змеем-Горынычем и еще черт те знает кем и чем. Куда только не бросала меня судьба. Все вокруг меня менялось, находилось в непрестанном движении, и прямо из одной сказки я попадал в другую. Неизменным было одно: где бы я ни был, повсюду встречался мне Нафаня и устраивал какую-нибудь гадость. В конце концов я настолько к нему привык, что не мыслил себя без нахального домового, и поэтому не предал Нафаню, как мечтал, сотням ужасных и мучительных смертей, когда он, совершив нелепую ошибку, оказался в моих руках. Я не убил его, но и простить не мог. Я поступил иначе. Я обрек Нафаню на вечные мучения и скитания, расплатившись его же монетой. Я запечатал маленького нахала в бутылку и бросил в море, и волны унесли ее прочь.

Меняя, как и прежде, облик и место пребывания, меняя сказку за сказкой, я продолжал жить дальше. Но только без Нафани. Признаюсь честно, мне даже стало чуточку грустно, ибо, утратив его, я утратил то единственное, что вызывало воспоминания о прошлом.

Однажды я оказался в Лукоморье, где познакомился с говорящим котом, который умел не только рассказывать сказки, но и мыслить. И этот кот оказал мне неоценимую услугу, вернул утерянный душевный покой.

— Найди Нафаню, — сказал он, — и ты покинешь мир сказок, где ты чужой.

И я последовал мудрому совету. Я искал Нафаню повсюду. В морях-океанах, в густых непроходимых лесах, на вершинах скалистых гор, в шумных сказочных городах. Это был волшебный мир, и брошенная в воду бутылка могла оказаться где угодно. Но все-таки она оказалась в море!

Я прошел вдоль и поперек сказочные земли, но Нафани нигде не было.

...Возле самого синего моря стояла старая покосившаяся хибара, вблизи которой сушились на солнце сети. Я привычно снял их с крючьев и забросил в море, словно только этим и занимался всю жизнь. Я был в новой сказке и жил жизнью персонажа.

Выждав, я принялся вытягивать снасти обратно под крики и проклятия вышедшей на крыльцо вечно недовольной старухи-супруги. Я тянул сеть в надежде поймать золотую рыбку и попросить у нее, перво-наперво, целое корыто взамен старого, растрескавшегося. А может, лучше вместо корыта, не слушая брань старухи, попросить владычицу морей вернуть мне Нафаню!?

Сеть потихоньку выбиралась на берег, и в самом конце ее определенно что-то было. Нет, это была не золотая и ни какая-нибудь другая диковинная рыбка, это была бутылка бледно-зеленого цвета.

— Нафания, — прошептал я, откупоривая бутылку, и... в тот же миг понял, что сижу в старой пыльной кладовке, в доме у бабки, держа в руках невестку как попавшую ко мне книжицу, открытую на этой кульминационной сцене.

Вокруг было разбросано еще множество самых разных книг, коробка с которыми и свалилась мне на голову, оставив на память о себе внушительную шишку.

Водворив коробку на место и подобрав рассыпанные по полу монеты, я подошел к сундуку и слегка приоткрыл крышку. И тотчас же в образовавшуюся щель шмыгнуло серое существо и проворно скрылось в углу кладовки.

«Интересно, — подумал я, — как сюда ухитрилась забраться мышь? А может это вовсе и не мышь!?»

(1997)

Выполните целостный анализ произведения А. Салова. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: характер и роль фантастики, соотнесение реального и сказочного миров. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Задание 2

Перед Вами подстрочный перевод стихотворения французского поэта Шарля Бодлера (1821 – 1867) «Альбатрос» (1841), созданный с использованием искусственного интеллекта, и 3 варианта его перевода. Сравните переводы, сделанные поэтами, с подстрочным переводом и выберите ОДИН из них, который наиболее точно соответствует, на Ваш взгляд, авторскому замыслу. Напишите небольшое эссе (примерно 240-250 слов), в котором обоснуйте свой выбор (учитывайте лексику, детали, их влияние на расстановку смысловых акцентов).

Ш. Бодлер

Альбатрос

Подстрочный перевод

Часто, чтобы позабавиться, члены команды (матросы)

Ловят альбатросов, огромных птиц морей,
Которые следуют, ленивые спутники путешествия,
За кораблём, скользящим над горькими безднами.

Едва их опустили они на доски (палубу),
Как эти короли лазури, неуклюжие и пристыженные,
Позволяют жалко своим большим белым крыльям
Как вёсла волочиться рядом с ними.

Этот крылатый путешественник, как он неуклюж и слаб!
Он, недавно такой красивый, как он смешон и уродлив!
Один дразнит его клюв своей трубкой-носогрейкой,
Другой изображает, прихрамывая, калеку, который летал!

Поэт подобен владыке туч
Кто властвует над бурей и смеётся над лучником;
Изгнанный на землю средь насмешек,
Его крылья гиганта мешают ему идти.

Ш. Бодлер

Альбатрос

Перевод П. Якубовича (1895)

Когда в морском пути тоска грызет матросов,
Они, досужий час желая скоротать,
Беспечных ловят птиц, огромных альбатросов,
Которые суда так любят провожать.

И вот, когда царя любимого лазури
На палубе кладут, он снежных два крыла,
Умевших так легко парить навстречу бури,
Застенчиво влачит, как два больших весла

Быстрейший из гонцов, как грузно он ступает!
Краса воздушных стран, как стал он вдруг смешон!
Дразня, тот в клюв ему табачный дым пускает,
Тот веселит толпу, хромая, как и он.

Поэт, вот образ твой! Ты также без усилия
Летаешь в облаках, средь молний и громов,
Но исполинские тебе мешают крылья
Внизу ходить, в толпе, средь шиканья глупцов.

Ш. Бодлер

Альбатрос

Перевод В. Набокова (1924)

Бывало, по зыбям скользят матросы
среди плаванья берут, чтоб стало веселей,
великолепных птиц, ленивых альбатросов,
сопровождающих стремленье кораблей.

Как только он людьми на палубу поставлен,
лазури властелин, неловок и уныл,
старается ступать, и тащатся бесславно
громады белые отяжелевших крыл.

Воздушный странник тот, — какой он неуклюжий!
Та птица пышная, — о, как смешит она!
Эй, трубкою тупой мазни его по клюву,
шагнув, передразни калеку-летуна...

Поэт похож на них, — царей небес волнистых:
им стрелы не страшны и буря им мила.
В изгнанье, — на земле, — среди хохота и свиста
мешают им ходить огромные крыла.

III. Бодлер

Альбатрос

Перевод Н. Ивановой (2007)

Как часто заскучавшие матросы
Среди грозных неизведанных морей
Забавы ради ловят альбатросов,
Скользких за громадой кораблей.

Избранник неба и король лазури
Беспомощен на палубной доске,
И крылья, не боящиеся бури,
Как сломанные вёсла на песке.

Крылатый пилигрим, лишённый силы!
Властитель волн, посмешищем он стал!
Он раскрывает клюв, кричит уныло —
Хромой калека потешает зал!

Поэт — как альбатрос, небесный странник...
Среди облаков так сладостно парить!
А на земле он проклятый изгнанник,
И крылья не дают ему ходить.